

своеи не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, а в Русь ратю не ходити, а выхода нам у русскихъ князеи не прашивати.

А уже бо въстонала земля татарская, бедами и тугою покрывшася. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на рускую землю ходити. Веселие их пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочя, доспехи и кони, волю и велблуды, вино, сахаръ, дорогое узороче, камки насычеве (л. 223) везут женам своимъ. Уже жены руския всплескаша татарскимъ златомъ. Уже руской земли простреса веселье и възнесеса слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текутъ. Стрѣляй, князь великий, по всѣмъ землям, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю рускую, за вѣру христьянскую. У поганыхъ оружие свое поверъгоша, главы своя и полклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубятъ, уныша бо царемъ ихъ хотѣние.

И отскочи Мамай сѣрымъ волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первыи, а не быти тебѣ в Батыя царя. Царь Батыи былъ $\neq \bar{y}$ вою, воеваль (л. 223 об.) всю рускую землю и плѣнил от востока и до запада. А казнилъ богъ рускую землю за сѣгрешение. И ты пришелъ князь Мамай на рускую землю съ многими силами съ девятыю ордами, съ 70 князьми, а ныне бежишь самъ девять в лукоморье. В поле тобя князи руския гораздо упилися и князеи с тобою нѣтъ ни воеводъ. Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковыли. Побежи, поганый Мамай, и от насъ по задлѣшью. Намъ земля подобна естъ руская милому младенцу у мрети, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его. И потѣшитъ господь богъ человеколюбець князи руския великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимирера Ондрѣевича межъ Доном и Непром на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Сталь князь великий с своимъ братомъ княземъ (л. 224) Владимиромъ Ондрѣевичемъ и с своими воеводами на костехъ. Грозно бо, брате, в то время посмотри, лежать трупы христьянския акы сѣнными стоги, а Дон рѣка три дни кровю текла. Считаетесь, брате, колкихъ воевод нѣтъ, колько молодыхъ людей нѣтъ.

И говоритъ Михаилу Ондрѣевичъ московскыи бояринъ князю Дмитрию Ивановичю: Господине князь великий Дмитрий Ивановичъ, нѣтъ туто у насъ сорока бояринъ большихъ москъовскихъ, да 12 князеи белозерскихъ, да 30 бояриновъ посадниковъ новгородцкихъ, да 20 бояриновъ коломенскихъ, да 40 бояриновъ переяславскихъ, да полу 30 бояриновъ костромскихъ, да пол 40 бояриновъ володимерскихъ, да 50 бояриновъ суздальскихъ, да 70 бояриновъ резанскихъ, да 40 бояринов муромскихъ (л. 224 об.) да 30 бояриновъ ростовскихъ, да трех да 20 бояриновъ дмитровскихъ, да 60 бояриновъ звенигородцкихъ, да 15 бояриновъ углецькихъ. А изгибло нас всеи дружины полъ 300 тысяч. И помилова богъ рускую землю а татаръ пало безчислено многое множество.